

1930-е годы, Шанхай.

Перьевая ручка в руках Шэнь Тянье ритмично поднималась и опускалась на столе. Хотя его разум был в состоянии полного покоя, в его завораживающих глазах-фениксах по-прежнему можно было увидеть мерцающие искры.

— Чёрт возьми, Линь Юэбинь, похоже, его жена его избивает, вот он и решил нас мучить. За неделю нужно сдать три статьи, у меня даже мозговых клеток не хватит, чтобы их написать. Ну как, Тянье, ты уже написал что-то? — Вэнь Хао подошёл и сел на переднюю парту, ворча и жалуясь.

Шэнь Тянье не шевелился, взгляд оставался неподвижен, на лице не было ни тени эмоций:

— В процессе мозговой смерти.

Вэнь Хао уставился на две строчки на столе, которые даже нельзя было прочитать связно, с выражением полного отчаяния на лице:

— Эх, у тебя такой умный мозг, а клеток всё равно не хватает. Если я буду продолжать бессмысленную борьбу, то даже оставшиеся клетки меня не простят. Знал бы я, не стал бы тратить время на молитвы Будде. Теперь я не только время и деньги зря потратил, но и помощи не дождался.

— Эй, Тянье, может быть, мы в прошлой жизни натворили слишком много грехов, и Будда специально послал Линь Юэбиня, чтобы покарать нас? — Вэнь Хао теперь уже окончательно опустил руки, ведь к началу урока он всё равно ничего не напишет, и проще просто принять наказание.

В глазах Шэнь Тянье заблестел ум, губы скруглились в красивой улыбке:

— Это ты, не тяни меня за собой. По-моему, ты просто мало молился, или, может быть, тот Будда, которому ты молился, был ненастоящим. В следующий раз не ходи туда, лучше потрать это время на написание пары строк.

Вэнь Хао посчитал его слова очень разумными и серьёзно кивнул, словно это была истина:

— Правильно, я слишком увлёкся поиском духовного утешения и забыл о практике.

В этом внешне процветающем и мирном, но на самом деле нестабильном Шанхае Шэнь Тянье наслаждался относительным спокойствием, и всё это благодаря его старшей сестре Шэнь Тяньхуа, которая работала в кинокомпании «Звезда».

Шэнь Тяньхуа была звездой экрана и эстрады, снималась в фильмах, а богатые люди иногда приглашали её петь и танцевать в «Парамаунт-холле».

Хотя Шэнь Тянье с детства жил с сестрой, он никогда не испытывал финансовых трудностей, несмотря на то, что часто сталкивался с презрением окружающих.

Шэнь Тянье ненавидел работу сестры. Возможно, с детства насмотревшись на самых разных людей, он, когда Шэнь Тяньхуа пела и танцевала на сцене или снималась в фильмах, с лёгкостью мог понять, что у них на уме.

Но он глубоко прятал свои бунтарские чувства, и, помимо того, что делал всё возможное,

чтобы защитить сестру, у него не было другого выбора.

Ци Хэюань вернулся на родину неделю назад, но вместо того, чтобы идти домой или в школу, он гулял по городу, играя с отцом в кошки-мышки.

Отец Ци Хэюаня, Ци Чанто, был предпринимателем, который пробился на шанхайские берега сквозь кровь и бури. Он был известным и уважаемым человеком, которого хотели заполучить в союзники и политики, и криминальные авторитеты. Но из-за своего вспыльчивого и странного характера многие получали отказ.

Из-за нестабильной ситуации те, кто не смогли заполучить Ци Чанто, начали искать другие рычаги давления, например, через его горячо любимого сына.

Ци Чанто, чтобы обеспечить безопасность Ци Хэюаня, насильно вернул его из-за границы.

Хотя он его и вернул, характер Ци Хэюаня можно сказать, унаследовал отцовский в ещё более совершенном виде. К тому же, с детства привыкший к лести и восхищению, он смотрел на всех свысока и ни перед кем не прогибался, поэтому каждый разговор между ними превращался в поединок.

— Паршивец, немедленно валит в школу! Ещё раз увижу тебя шляющимся по улице, я тебя из пистолета пристрелю! — Ци Чанто, багровый от гнева, тыкал пальцем в лицо Ци Хэюаню, выглядело так, будто он вот-вот достанет оружие.

— Сейчас пристрелить — лишние хлопоты! Лучше бы ты меня при рождении задушил, сберёг бы себе нынешние мучения!

Ци Хэюань был ещё злее отца. Раньше он плакал и умолял не отправлять его за границу, но Ци Чанто был непреклонен. Теперь, когда он уже привык к жизни в Америке, его ни с того ни с сего вернули обратно. Если бы не его выдающаяся способность адаптироваться, такие метания давно бы довели его до депрессии. Ему самому хотелось кого-нибудь обругать, да кого?

— Маленький ублюдок, схватите его!

— Эти твои ничтожества меня с закрытыми глазами не поймают! — С этими словами Ци Хэюань уже выбежал из «Парамаунт-холла».

— Тянье! Сяосяо в больнице, беги скорее к ней! — Дверь класса с грохотом распахнулась, вбежал Вэнь Хао и, невзирая на количество людей, заорал на всю округу.

— Что с ней? — Шэнь Тянье на мгновение замер, мозг работал необычайно быстро. Как Вэнь Хао узнал, что Хань Сяо в больнице?

Всякий раз, когда новости о Хань Сяо исходили изо рта Вэнь Хао, муху раздували до размера слона.

Шэнь Тянье действительно не хотел идти. Бог знает, с каких пор он и Хань Сяо стали такими чужими друг другу. Сначала это было восхищение, потом симпатия, а потом всё резко оборвалось, и он почувствовал, что они стали чужими людьми.

Но в конце концов, под давлением Вэнь Хао, Шэнь Тянье всё же пошёл в больницу.

Люди с твёрдым характером, но мягким сердцем редко добиваются великих вещей. Шэнь Тянье

чувствовал, что это и есть его жизненное кредо.

— Тянье! — Увидев Шэнь Тянье в дверях, Хань Сяо сквозь слёзы улыбнулась и бросилась к нему, обнимая.

Это объятие, раньше бывшее его мечтой, теперь вызывало лишь желание избежать его. Шэнь Тянье и так неохотно пошёл в больницу, а теперь, увидев Хань Сяо целой и невредимой, хотя он и ожидал этого, гнев тут же взвился до небес.

— Я знала, что ты обязательно придёшь. — Хань Сяо, казалось, всё ещё не могла прийти в себя от радости. Шэнь Тянье смотрел на её улыбающееся лицо, которое казалось ему всё более нелепым, и его терпение постепенно иссякало. — Разве ты не говорила, что попала в больницу?

Хань Сяо надула губы, изобразив великую обиду:

— Это мой друг, его избili, и я боюсь, что кто-то может прийти за мной. Я не могла оставаться там одна.

Ты боишься, что кто-то придёт за тобой? Кто посмеет тебя тронуть? Шэнь Тянье не сказал этого вслух, но его лицо и голос стали суровее:

— Хань Сяо, разберись наконец: я не твой парень и не твой телохранитель!

Хань Сяо не успела ответить, как в коридоре с шумом вышла группа людей, все в костюмах, здоровяки. Впереди шёл парень лет восемнадцати-девятнадцати, ростом не ниже метра восьмидесяти пяти. Светлая кожа, лицо с чертами, высеченными ножом, густые длинные брови, глаза, в которых читались злоба и пронзительность, высокий нос, безупречные губы с лёгким налётом развращённости и дерзости — и всё это в сочетании с голубым спортивным костюмом. Он излучал аристократичное величие и наглость, шествуя впереди всех и приковывая к себе взгляды.

Шэнь Тянье, зная о происхождении Хань Сяо, подумал, что эти люди были вызваны ею, но когда он увидел на лице лидера полное презрение и насмешливый взгляд, он быстро исключил эту возможность. У него в голове промелькнули четыре слова: «Враг, а не друг».

Ци Хэюань внезапно остановился перед Хань Сяо, и в его голосе звучали властность и напор, не свойственные его возрасту, словно он что-то подтверждал:

— Хань Сяо?

Хань Сяо была подавлена этим агрессивным тоном и невольно выдавила:

— Ты... Ци Хэюань?

— Чжао Фэй попал в больницу из-за тебя, верно? — На лице Ци Хэюаня, способном свести с ума кого угодно, появилась совершенно неуместная хулиганская ухмылка. Он указал на Хань Сяо и холодно произнёс:

— Грязная шлюха, я тебе скажу... — Он не успел договорить, как Хань Сяо уже оттащили в сторону.

Шэнь Тянье не хотел вмешиваться в эту грязную историю, но если бы он смог спокойно

смотреть, как на Хань Сяо, девушку, указывают и оскорбляют, он бы не был мужчиной.

— Следи за языком и держи руки при себе. — Шэнь Тянье проигнорировал толпу здоровяков позади Ци Хэюаня и бросил на него пронзительный взгляд. Голос его был спокоен и силен, без тени страха.

Ци Хэюань наконец заметил того, кто говорил. Он намеренно подошёл ближе, чтобы разглядеть Шэнь Тянье. Тот был немного ниже, и хотя на нём была школьная форма, она не могла скрыть его прекрасное лицо, особенно глаза-фениксы под острыми бровями — они излучали ледяное одиночество и гордость, но в то же время обладали гипнотическим свойством, от которого можно было легко потерять голову.

<http://bllate.org/book/16897/1566591>